

— Она слишком раздражает, её нужно убить, — внезапно с ледяным спокойствием произнёс мужчина рядом с Нин Цзэ.

Нин Цзэ окинул его странным взглядом...

— Она вызывает у меня отвращение, — добавил мужчина, как бы обосновывая свои слова.

Уголок рта Нин Цзэ дёрнулся. Прежде всего, он мысленно спросил систему: этот тип случайно не из тех безумцев, что встречаются в трагических историях?

Очевидно, Цзо Юнь ещё не наделил этот экспериментальный оптический мозг функцией распознавания душ. Система могла лишь ответить ему коротким «нет».

Нин Цзэ не был уверен в своих догадках, да и действовать наугад не стоило. Он отбросил лишние мысли и постарался серьёзно отнестись к предложению собеседника. Тон мужчины звучал буднично, поведение было естественным — он явно не шутил. Если Нин Цзэ просто кивнёт, тот, чего доброго, действительно принесёт ему голову Чжан Гуйхуа. От одной этой мысли стало не по себе.

Изначально Нин Цзэ хотел найти себе толкового помощника, но превращение этого помощника в хладнокровного убийцу показалось ему чересчур суровым. Впрочем, Нин Цзэ всё же решил разобраться со всем самостоятельно. Можно сказать, что Чжан Гуйхуа так мастерски наживала себе врагов, что даже Нин Цзэ не хотел оставлять её в покое. Да, именно так: это Нин Цзэ не желал её отпускать.

Нин Цзэ прищурился, его ясные глаза блеснули, словно звёзды. Он спокойно посмотрел на мужчину:

— Спасибо за предложение, но я хочу разобраться с этим сам.

Получив отказ, мужчина на мгновение задумался. В его глазах этот мальчишка всегда выглядел невероятно спокойным — настолько, что каждое его слово и движение казались тщательно обдуманными, как у взрослого. Это его ужасно забавляло.

— Меня зовут Дуань Тяньсу, — вспомнил он, что ещё не представился.

— Лю Аньлэ, — помолчав, ответил Нин Цзэ.

В этот момент матушка Чжан накрыла на стол и позвала их ужинать. Нин Цзэ тут же переключился на еду — его желудок, голодавший весь день, издал требовательное урчание. После ужина и купания уже совсем стемнело. Нин Цзэ не стал зажигать свечи в комнате; он лишь просканировал состояние Чжан Ифан с помощью духовной силы и, убедившись, что тётюшка Ли хорошо заботится о ней, повалился на кровать.

Укрывшись сухим и тёплым новым одеялом, Нин Цзэ быстро заснул.

Дуань Тяньсу сидел перед мерцающим пламенем свечи. Он уже принял ванну и переоделся в чёрный халат; его красивое лицо, лишённое привычной игривости, казалось холодным и сосредоточенным. Прошло совсем немного времени, прежде чем несколько фигур бесшумно появились в комнате.

— Просим прощения за опоздание, глава, накажите нас.

То, что Дуань Тяньсу попал в беду, никак не зависело от его подчинённых. Он махнул рукой, приказывая им встать, и отдал приказ, который поверг их в изумление: он потребовал провести тщательное расследование прошлого Лю Аньлэ.

Подчинённые не понимали, что интересного может быть в биографии обычного сельского жителя, но они не смели оспаривать волю Дуань Тяньсу и сразу же бросились выполнять поручение. Раз уж приказ отдал сам Дуань Тяньсу, они, конечно, должны были сделать всё быстро и качественно.

Дуань Тяньсу знал, как работают его люди, поэтому не торопился. Он подошёл к окну, откуда открывался вид в сторону секты Цзюян. Ночь была безветренной и безлунной, даже стрекот насекомых затих.

В глазах Дуань Тяньсу заструился фиолетовый свет, вскоре заполнивший радужку целиком, что придало ему пугающий, демонический вид в темноте.

Его люди справились быстро: в такой простой деревне узнать что-либо было проще простого. Вскоре они сложили воедино всю историю жизни Лю Аньлэ. Узнав её, они не могли не вздохнуть — путь становления этого мальчишки был ничуть не легче, чем у их собственного главы.

Выслушав отчёт, Дуань Тяньсу пришёл в ярость. Фиолетовый блеск в его глазах стал едва заметным, но острым, как лезвие ножа — верный признак того, что он готов убивать. Подчинённые опустили головы, не смея произнести ни слова. Если бы Дуань Тяньсу отдал приказ, они бы немедленно принесли ему голову обидчика, чтобы успокоить гнев главы.

Но тут Дуань Тяньсу удивил их ещё сильнее. Он не стал отдавать такой приказ, а вместо этого, злясь, начал подавлять свой гнев. Подчинённые украдкой переглянулись: не вселилось ли в их главу что-то странное? Раньше он бы уже давно приказал убить врага. Он никогда не был мягкосердечным — в их мире доброта не помогает выжить.

Дуань Тяньсу, конечно, хотел убить, но стоило ему об этом подумать, как перед глазами всплывало решительное лицо мальчишки. Поэтому убивать было нельзя, но и оставлять всё как есть Дуань Тяньсу не собирался.

Заметив, как глава прищурился, подчинённые напряглись: обычно, когда кто-то переходил дорогу Дуань Тяньсу, у того был один метод — убить.

Поэтому многие в их секте сейчас выполняли сложнейшее задание — преследовали врагов до самого края света. Однако в этот раз распоряжения Дуань Тяньсу были до странности длинными и утомительными, что повергло подчинённых в шок!

Что за бред? Где же хвалёная безжалостность?!

В головах каждого из них крутилось: «Что происходит? Почему? Глава, вы точно одержимы чем-то странным?!»

Впрочем, они могли лишь гадать про себя, не смея даже громко вздохнуть.

Отдав странные распоряжения, Дуань Тяньсу с ледяным лицом выгнал подчинённых. Неизвестно, сколько они обсуждали это между собой, но сам Дуань Тяньсу в глубокой меланхолии отправился в комнату Нин Цзэ. Он тихо сел у его кровати, почувствовав, как раздражение отступает, и так и просидел в медитации до самого рассвета.

Проснувшись, Нин Цзэ открыл глаза и чуть не подпрыгнул от испуга. Его лицо потемнело — утреннее раздражение было таким сильным, что ему хотелось пнуть Дуань Тяньсу. Однако он читал в романах, что нельзя прерывать медитирующего, иначе тот может сойти с ума и превратиться в убийцу.

Кто знает, правда ли это?

Нин Цзэ не собирался проверять это на практике, поэтому молча встал, оделся и вышел на улицу. Вдохнув свежий утренний воздух, он заметил, что край неба заволокло лёгким туманом, сквозь который проглядывало нежное, приятное глазу красное солнце. Настроение Нин Цзэ заметно улучшилось.

Матушка Чжан позвала его завтракать. Нин Цзэ ел и размышлял о том, что ему предстоит сделать.

На самом деле, раздумывать было особо не о чем: дел было много, но лишь немногие из них можно было выполнить быстро и без препятствий. Поэтому после завтрака Нин Цзэ взял корзину и вышел из дома. Хотя матушка Чжан и тётушка Ли смотрели на него с крайним изумлением, он мог лишь криво усмехнуться. Не объяснять же им, что сбор лекарственных трав в горах — дело прибыльное: повезёт — получишь сотню лянов серебра, не повезёт — всё равно заработаешь несколько. Говорить такое было слишком пугающе, пусть лучше думают, что он идёт гулять.

Под их странными взглядами Нин Цзэ отправился в путь с необычной поклажей. В корзине

лежали закуски, приготовленные матушкой Чжан, кухонный нож, кривой нож, кинжал, тятка для трав и всевозможные баночки со специями — выглядело это так, будто он собрался на пикник.

Взглянув на Дуань Тяньсу, который шёл рядом с таким видом, словно отправился в увлекательное путешествие, Нин Цзэ окончательно убедился, что первое впечатление бывает обманчиво. Ему страшно хотелось вымазать лицо Дуань Тяньсу сажей, чтобы хоть немного унять раздражение от его безмятежного выражения лица.

Дуань Тяньсу же недавно обнаружил, что рядом с Нин Цзэ его настроение улучшается, всё вокруг кажется приятным, а сам он перестаёт чувствовать холод. Порой, поглядывая на Нин Цзэ, он даже позволял себе щегольнуть своей природной харизмой, излучая уверенность и мужское обаяние.

Нин Цзэ сдерживался несколько раз, но в конце концов не выдержал: «Твою ж мать, ведёшь себя как павлин! Перед кем ты хвост распушил?!»

Неизвестно, приятно ли проводили время в горах Нин Цзэ и Дуань Тяньсу, но Чжан Гуйхуа была явно недовольна.

Вернувшись вчера домой, она долго размышляла и пришла к выводу, что та нищая мать с сыном не могли позволить себе такой роскошный дом — деньги, должно быть, украдены.

Чжан Гуйхуа осмелилась пойти на разборки, но мальчишка не смог ничего внятно ответить, и всё развивалось ровно по её сценарию. Однако она никак не ожидала, что этот проклятый кролик, не найдя слов, просто наймёт людей, чтобы её вышвырнули!

Это было неслыханно!

Она, Чжан Гуйхуа, сама кого хочешь выставит, а тут её саму выкинули! Как это стерпеть?

Вернувшись, она лежала на кровати и стонала от боли, а вся семья суежилась вокруг, подавая чай и утешая её. У неё действительно болели поясница и зад, а услышав тихие слова утешения от Лю Вэньсяня, она сразу же почувствовала себя глубоко несчастной и обиженной.

— Этот проклятый маленький выродок посмел так поступить с нашей семьёй! Мы не можем оставить это просто так! Я не проглочу эту обиду!

— Матушка, берегите здоровье, не расстраивайтесь. Если деньги пропали, мы можем накопить ещё, не злитесь, — уговаривал её простодушный Лю Хун. Ему уже было за сорок, волосы поседел, он работал не покладая рук, чтобы прокормить семью, в то время как Чжан Гуйхуа в

его годы уже начала «отдыхать на старости лет».

Чжан Гуйхуа презирала этого бездарного сына, который умел только работать. Она никогда не жаловала его, а теперь, услышав, что он хочет оставить Лю Аньлэ в покое, тут же в ярости ущипнула его за ухо:

— Ах ты! Все считают тебя сыном почтительным, а ты вот так перечишь своей матери?! Твою мать этот щенок почти довёл до смерти, а ты не хочешь идти с ним насмерть, а просишь меня терпеть! Какой грех я совершила, родив такого неблагодарного сына?!

Бай Ин, увидев, как наказывают её мужа, тут же прослезилась. Они из кожи вон лезли, чтобы прокормить эту ораву, а в итоге — старший сын не женат, младшая дочь не выдана замуж, муж никак не может угодить свекрови. Двадцать лет почтительности, двое потерянных детей — почему жизнь сложилась так?

Всё из-за Чжан Гуйхуа. Она была хозяйкой дома, невесткой семьи Лю, а её муж — почтительным сыном, поэтому ей оставалось только терпеть год за годом.

Ненависть давно пустила корни в сердце этой доброй женщины, превратив его в нечто искажённое. Когда деньги украли, она даже почувствовала злорадство.

Хотя это были их кровные деньги, Чжан Гуйхуа держала всё при себе, они не ели ничего вкусного и не носили тёплой одежды — всё доставалось ей и Лю Вэньсяню.

Лю Вэньсянь тоже был сыном Бай Ин, но он был близок только с Чжан Гуйхуа и никогда не думал о родителях, брате или сестре, пользуясь плодами труда Лю Вэньчжуаня и Лю Жун. Мало того, он смотрел на всех свысока, наученный Чжан Гуйхуа презирать свою семью. Как Бай Ин могла не испытывать холода в душе? И всю эту обиду она переносила на Чжан Гуйхуа.

— Вот именно, отец! Лю Аньлэ явно хочет свести бабушку в могилу, а ты просишь её терпеть? Ты тоже хочешь, чтобы бабушка умерла? — поддакнул Лю Вэньсянь. Он, конечно, знал, что Лю Аньлэ не крал деньги, но ведь он был «образованным человеком», а Лю Вэньчжуань и Лю Жун были для него лишь прислугой. Он с детства понимал, как важно угождать бабушке.

В этот момент Бай Ин, обычно молчавшая, вдруг сказала:

— Матушка, некоторое время назад тётушка Лю прислала весть, что мой отец болен. Сейчас в поле всё закончено, я собираюсь завтра взять Дахуна и детей и навестить их. Пора бы уже съездить.

Бай Ин была глубоко разочарована в Лю Вэньсяне и теперь хотела лишь уехать вместе с мужем и детьми, чтобы не участвовать в этом балагане. Она каждый год ездила навещать родителей, и никто не мог её остановить. К тому же она была известна в округе как образцовая невестка, и Чжан Гуйхуа обычно не препятствовала этим поездкам.

Но в этот раз она выбрала самый неподходящий момент!

Чжан Гуйхуа была крайне недовольна: если она заберёт Лю Хуна и детей, кто будет бороться с Лю Аньлэ? Не ей же, старухе, идти на смертный бой?!

«Ах ты, Бай Ин! Скрывала свою натуру столько лет, а теперь решила пойти против свекрови!»
— Чжан Гуйхуа злобно уставилась на невестку, в голове уже прокручивая сценарии расправы.

Она не стала прямо запрещать:

— Тебе одной съездить можно. Но раз уж тот негодяй украл все деньги, подожди хотя бы, пока мы их вернём, а потом поезжай.

— Вот именно, матушка, дедушка болен, подожди, пока вернём деньги, хоть гостинцев купишь, — скривился Лю Вэньсянь. Обычно они тратили всего один лян на дешёвые сладости, которые ели только самые бедные семьи. Лю Вэньсянь, разумеется, брезговал ими.

Бабушка и внук спелись. Чжан Гуйхуа хотела, чтобы она ехала одна, а Лю Вэньсянь требовал ждать денег на гостинцы. Как иронично: она зарабатывала десять лянов в год, а на родителей ей выделяли лишь жалкую монету на покупку дешёвого угощения.

Слова Лю Вэньсяня больно ударили Бай Ин в самое сердце. Только она знала, как ей больно.

Она видела, что Лю Аньлэ вырос и начал сопротивляться. Её собственные дети тоже подросли. Почему они должны продолжать так жить?

— Матушка, я ничего не буду покупать, я просто хочу поехать с семьёй, — женщина с надеждой посмотрела на мужа. Столько лет жертв — даже железное сердце могло оттаять, а ведь Лю Хун не был бесчувственным.

Встретившись взглядом с женой, Лю Хун почувствовал вину. Бай Ин всегда терпела лишения вместе с ним, не могла исполнить долг перед своими родителями, а теперь, когда тесть тяжело болен, он, этот неблагодарный зять, просто обязан поехать.

— Матушка, я хочу навестить тестя.

— Я пойду попрошу отпуск у хозяина, — Лю Хун работал помощником в чайной. Хозяин ценил его за усердие и всегда отпускал на время полевых работ.

— Я пойду собираться! — Лю Жун, услышав, что они поедут к бабушке, просияла. Её худое, бледное лицо наконец ожило, выражая надежду и радость.

Увидев такую реакцию, Чжан Гуйхуа почернела от ярости и взревела:

— Никто никуда не поедет! Лю Хун, ты зарабатываешь в кирпичной печи один лян и восемьсот монет в месяц, плюс обед, день простоя — это минус шестьдесят медных монет! Ты не поедешь! Вэньчжуань работает в чайной, отпрашивается только в горячую пору, если он сейчас уйдёт, вдруг хозяин не отпустит его потом? Хочешь, чтобы я, старуха, упахалась в поле до смерти? И не вздумайте звать Вэньсяня в поле, он человек учёный, как он может работать на земле?! Лю Хун, ты вышила платки для мастерской? Пока не закончишь — никуда не пойдёшь!

Отчитав троих, она косо взглянула на Бай Ин:

— Раз не покупаешь гостинцы, значит, вообще ничего не купишь. Поезжай одна.

Это было слишком жестоко, даже Лю Хун, считавший слова матери законом, был потрясён.

Каждый год его жена тратила одну монету из семейного бюджета, чтобы порадовать родителей, и наверняка плакала, но никогда не жаловалась ему. А теперь его мать не хотела давать даже эту монету.

Лю Хун зарабатывал шестьдесят монет в день, за два дня — целая монета. За триста шестьдесят пять дней в году он не мог наскрести даже на подарок тестю и теще! А если посчитать ещё и заработок Бай Ин... Лю Хун потемнел в глазах и чуть не рухнул.

Бай Ин поддержала его. Она не боялась, что муж получит удар — чем больнее, тем лучше. Только так он мог прозреть. Сейчас, казалось, момент настал...

Бай Ин не нужны были эти гроши. Их семья зарабатывала три-четыре лян в месяц, не считая поля. Если бы только она могла распоряжаться деньгами, они бы зажили по-человечески. Раз уж Чжан Гуйхуа заставила её мужа страдать, это был отличный шанс!

Бай Ин нерешительно посмотрела на Лю Хуна и нежно сказала:

— Дахун, давай теперь я буду распоряжаться деньгами? Посмотри, дети выросли, нам нужно думать о будущем. Матушка тоже уже немолода, ей пора отдыхать, как отцу, незачем больше надрываться.

Дети, увидев, что мать хочет позаботиться о них, с красными глазами посмотрели на отца. Они молчали, но их полные надежды взгляды сильно давили на Лю Хуна.

Постаревшее лицо старшего сына, худые, запавшие глаза младшей дочери, седые волосы жены — такие же, как у него самого. Лю Хун закрыл лицо руками и зарыдал. Их доход был выше, чем у многих, они могли жить хорошо, но почему его дети выглядели так, словно голодали всю жизнь?

Чжан Гуйхуа заверещала:

— Бунт! Бунт! Лю Хун, слышишь, что говорит твоя жена?! Я ещё жива, а она уже хочет прибрать к рукам имущество семьи Лю! Какая ещё «образцовая невестка»? Да она ведьма, сердце у неё чёрное, она только и ждёт моей смерти! За что нам такое наказание в виде этой черствой бабы?!

— Матушка, ты зря обвиняешь бабушку, она всегда заботилась о брате и сестре, но этот негодяй Лю Аньлэ всё украл! — Лю Вэньсянь тут же бросился на помощь, пытаясь перевести тему. Если Бай Ин начнёт распоряжаться деньгами, она точно не будет относиться к нему так, как Чжан Гуйхуа. Как она могла позволить ему быть на равных с Лю Вэньчжуанем и Лю Жун? Его сердце давно было отравлено уверенностью в собственной исключительности.

Увы, Лю Хун его не слышал. Перед его глазами стояли жена и дети, а в ушах звенели проклятия Чжан Гуйхуа.

Бай Ин была настолько хороша, что вызывала у него чувство вины, вся деревня не могла сказать о ней дурного слова, а в устах его матери она стала «черствой бабой». Лю Хун никогда не чувствовал себя так паршиво...

Может, жена права. Его мать стара, ей пора на покой.

Лю Вэньсянь, заметив, что Лю Хун готов согласиться, испугался не на шутку. Он бросился к Чжан Гуйхуа:

— Бабушка, бабушка, что с тобой? Не пугай внука!

Чжан Гуйхуа, поняв намёк, закатила глаза и «упала в обморок».

— Отец! Быстрее зови врача, бабушку довели до обморока!

Врача позвали, но Чжан Гуйхуа каким-то непостижимым образом действительно лишилась чувств и всю ночь провела в кошмарах. Ей снилось, что она умирает ужасной смертью, и лишь после тысячи смертей она с криками проснулась.

Увидев, что никто не сидит рядом и не прислуживает ей, Чжан Гуйхуа пришла в ярость и разнесла всю комнату.

Дома была только Лю Жун, но она спряталась подальше, не желая попадаться под горячую руку.

Чжан Гуйхуа, снедаемая злобой, винила во всём Бай Ин.

Она всего лишь притворилась, что деньги украдены, чтобы лишить невестку власти, а Бай Ин в её глазах превратилась в последнюю стерву.

Но теперь она не могла взять свои слова назад. К тому же, если бы деньги нашлись, пришлось бы тратиться на свадьбы Лю Вэньчжуаня и Лю Жун. Чжан Гуйхуа скривилась: выкуп, приданое, банкет — всё это стоило не меньше двадцати лянов, а она была слишком жадной.

Всё сводилось к тому, что эта дрянь Лю Аньлэ не хочет убираться из дома, иначе всех этих проблем бы не было!

Чжан Гуйхуа зубами скрипела от ненависти. Она размышляла и вдруг придумала план. От этой внезапной мысли сердце забилося чаще, и чем больше она думала, тем более осуществимым казался её замысел.

В то время в горах всё зеленело, трава росла бескрайним ковром. Нин Цзэ просто срывал ветку и раздвигал заросли, находя одну за другой целебные травы. Дуань Тяньсу, ожидавший, что сейчас произойдёт что-то грандиозное, мысленно перебрал тысячи вариантов.

Более того, он заметил, что Нин Цзэ, просто гуляя, умудряется обходить места, где дремлют свирепые звери. Это было просто невероятно! Словно сама судьба вела его. Взгляд Дуань Тяньсу, направленный на Нин Цзэ, становился всё более глубоким и загадочным.

Сегодня удача сопутствовала Нин Цзэ. Он шёл прямо вглубь леса и, к своей радости, нашёл редкую духовную траву, а других полезных растений было в избытке. Однако его духовная сила имела предел: за два часа ходьбы туда-обратно он весь взмок от пота.

К тому же, чем дальше они заходили, тем больше становилось опасных зверей. Несколько раз Нин Цзэ чуть не оказался в окружении.

Но он умудрялся полностью избегать столкновений. Неудивительно, что Дуань Тяньсу смотрел на него так странно.

Если бы Нин Цзэ пришлось описать этот взгляд, он бы сказал: «Выглядит так, будто он увидел привидение!»

<http://bllate.org/book/22533/2379818>